

В апреле 1998 года, «Независимая газета» первой во всеуслышание озвучила идею, которая обсуждалась в высоких правительственных кругах, — да, именно тогда впервые возникло на горизонте имя Александра Ворошило как реального претендента на руководящие посты ГАБТа (см. «Кулиса НГ» № 7, 1998). Действительно, кандидатура Ворошило лучше других соответствовала чаемому образу идеального хозяина: как артист он познал театр изнутри, а с другой стороны, не понаслышке, с нуля прошел суровую школу российского бизнеса.

Пока что рассуждения исполнительного директора Ворошило несут на себе отпечаток нейтральной политкорректности. С другой стороны, — никаких маниловских перекатов и радужных перспектив.

Независимая газета. — Александр Ворошило.

ВКУС ВОЗВРАЩЕНИЯ

— 2000. —
— 12 сект.
— с. 7

Александр Ворошило приступил к обязанностям исполнительного директора Большого театра

Андрей Хрипин

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ, вы возвращаетесь на старое место в новом качестве. С какими ощущениями?

— Несмотря на приподнятое расположение духа, чувства, обуревающие меня, скорее противоречивы. В театре по сей день трудятся многие из тех, с кем мне довелось работать раньше. Не все пока воспринимают меня в этой новой роли, да и я в полной мере не могу абстрагироваться от прежних отношений. Второе сильное ощущение — вкус возвращения. Я вернулся в родной дом, где давно не был, и многое, к сожалению, безвозвратно поменялось. Но тем не менее аура *своего дома* осталась — это как состояние души. Поэтому я себя чувствую в этих стенах легко и привычно. Здесь, после ученичества в Одесской консерватории, началась моя взрослая жизнь. И я бы вам сказал неправду, если бы стал говорить, что долго раздумывал над предложением пойти работать в Большой. Я получаю удовольствие от общения с этим храмом искусства, не знаю, с чем еще можно сравнить Большой театр.

Что-либо новое в нашем жанре изобрести достаточно сложно. Большой театр исповедует классику — не только буквально, но и мировоззренчески. Мы должны приглашать выдающихся художников. Я очень рад, что в театре возвращается Геннадий Николаевич Рождественский — великий музыкант, что во главе нашего дела встал Анатолий Геннадьевич Иксанов — мудрый человек, человек от искусства, в котором творческие свойства удачно сочетаются с менеджерскими качествами.

И театру, и нам необходимо какое-то время, чтобы лучше узнать друг друга. Пока еще рано делать какие-либо программные заявления, все мы только что приступили. Но я жду хорошего результата.

Вот говорят: это должен возглавлять человек из недр театра. Да я бы ни за что не пошел в театр, если бы не чувствовал в себе возможности принести реальную пользу. Если бы я не поработал в сферах, пусть и далеких от театра, но в то же время в каком-то смысле очень близких к нему.

У артиста свой взгляд, и он прекрасен. Но зачастую артист не понимает того, что происходит вне сцены. А вне сцены существует жизнь огромного спектра — с обеспечением всех функций жизнедеятельности театра. На магии звучных имен далеко не уедешь, ведь не секрет, что замечательные артисты далеко не всегда наделены еще и деловой харизмой.

— Вы имеете в виду Владимира Викторовича Васильева?

— Когда будет писаться история XX века, то в разделе «Балет», на мой взгляд, фамилия Васильева будет стоять одной из первых. Считаю его символом мужского танца. Но он — артист. И этим многое сказано. А порой ведь надо уметь абстрагироваться и от сиюминутного успеха, и от эмоций.

— Ждать ли нам революционных преобразований от новой власти?

— Я подозрительно отношусь к слову «революция» — уж больно много голов летит. В любом деле должна быть идея, система, иными словами, идеология. Советская власть испоганила это слово, сегодня оно звучит почти как ругательство. Тем не менее у нас есть общая идея — принести максимальную пользу театру, чтобы он стабильно функционировал, мог дивиться спе-

ред и расти. Каждое слово Большого в искусстве должно быть очень веским. Каждый спектакль должен становиться событием в мировом масштабе. Работники Большого театра и выглядеть должны по-особому. Когда я только пришел в театр, то одним из первых узнал Владимира Андреевича Атлантова, который выходил из первого подъезда: он в согласии со словами Чехова был прекрасен во всем.

Сегодня зачастую сталкиваясь с мнением, что артиста должен обязательно окружать ореол кричащей экстравагантности, скандальности. Мне кажется, все это от недостатка талантливости. Мы постараемся собирать в Большом настоящие таланты. То, что они есть, несомненно. Просто их надо разглядеть и правильно вырастить.

— Как конкретно разграничиваются обязанности и полномочия — ваши и генерального директора?

— Мы пришли к согласию взять за основу другой принцип: не разделять, а объединять. Во всех смыслах. И в должностных соотношениях тоже.

— А как же ваша фабрика, производство колбасных изделий?

— Если вы имеете сто рублей и переходите на другое место работы, вы эти сто рублей выбросите? Не думаю. Пусть лежат в кармане. Так и моя фабрика остается со мной — в нашей стране такие вещи еще не прижились на уровне очевидного. Я пришел в новом качестве, но это не значит, что я весь перековался, чтобы «соответствовать», и пришел какой-то совсем другой человек. От перемены работы моя основа не меняется. Да, закончив петь в театре, я восемь с лишним лет проработал в бизнесе, был совладельцем фабрики и ничего не вижу в этом зазорного. Наоборот, горжусь. Но внутренне я не согласен, когда меня называли в газетах удачливым бизнесменом. Какая к черту удача вставать спозаранку, ложиться за полночь и не принадлежать самому себе.

— Как вы оцениваете состояние вверенного вам хозяйства Большого театра?

— Я прекрасно понимаю, что пришел не навсегда. Когда человек засиживается на одном месте, у него «замыливается» глаз — и ему уже не видно того самого бревна. За период, который будет мне отпущен, я должен осуществить полезные храму искусства перемены в области оптимизации и рационализации всех сторон жизни театра.

— С каких дел вы хотите начать? Что со строительством филиала? Ходили самые разноречивые разговоры, в том числе и о злоупотреблениях.

— Не торопитесь пользоваться слухами, помните, что за всем стоят люди. Я решил во всем разобраться. Когда разберусь, скажу, что там в действительности.

— Устраивает ли вас сегодняшний художественный облик театра, что бы вам хотелось изменить?

— Я ничего не хочу менять, да это и не моя прерогатива — на это у нас есть гениальный Рождественский. Вот если Геннадий Николаевич поставит ту или иную задачу, я разобьюсь в лепешку, чтобы сделать все возможное.

— Надо ли это понимать так, что творческие вопросы будут касаться вас в косвенной степени?

— Нет, я буду принимать в этом самое активное участие. Но, повторяю, сегодня еще рано говорить о том, что генеральная линия театра определена. Да, каждый из пришедших знает, зачем он сюда пришел и что будет

делать. Однако чтобы войти в подробности, необходимо время.

— А как вы относитесь к творческим предложениям (например, поставить оперу)?

— Поступают и такие предложения, но исключительным правом принятия творческих решений обладает художественный руководитель — мы ему будем помогать изо всех сил.

— Какова роль СМИ в жизни театра?

— Все, что говорится о Большом по радио и ТВ, пишется на страницах газет, значит очень много. Без преувеличения можно сказать, что сегодня ваш покорный слуга оказался здесь, на этом месте, во многом благодаря «Независимой газете», в которой едва ли не впервые прозвучала эта идея. Речь не просто обо мне, а о переменах в Большом театре. Говоря официальным языком, к СМИ отношусь лояльно. Только побольше осторожности в обращении с публичным словом: оно может созидать, но может становиться и разрушительным оружием.

— Должен ли Большой театр равняться на интendantский стиль управления, который повсеместно принят театральной Европой?

— У Большого театра своя особая стезя. Что касается моей тактики, то я предпочитаю путь осторожности и внимательности ко всему. Разрушать мы ничего не собираемся, будем совершенствоваться имеющееся.

— Иными словами, вы собираетесь совершенствовать ту систему, которая перешла вам в наследство, в стиле разумного консерватизма?

— Консерватором меня, конечно, трудно назвать, но в общем — да, будем совершенствовать эту систему, несмотря на какие-то ее издержки, которые мы и собираемся оптимизировать. В то же время мне не чуждо новое. Мне всегда казалось, что я довольно смелый человек, если я ушел из Большого и занялся бизнесом, а потом из бизнеса вернулся в театр.

— Следует ли это понимать так, что вы распрощались со своими прежними рабочими функциями на вашем частном предприятии?

— Да. Теперь театр — основное и единственное место работы. А что касается моего производства, то я — совладелец собственности. Предположим, у вас есть счет в банке, но это же не значит, что вы там работаете — вы просто получаете проценты. Непосредственное управление фабрикой осуществляют мои соратники и доверенные лица.

— Что бы вы пожелали себе в этот момент вашей жизни?

— Востребованности и спокойствия. Пока что я нахожусь, наверное, в той благополучной поре, когда я нужен. ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Александр Степанович Ворошило родился в 1944 году в поселке Кирово Днепропетровской области. В 1974 году окончил Одесскую консерваторию у профессора Ольги Благовидовой и работал в Одесской опере. С 1975 года солист Большого театра. Исполнял ведущие партии в операх Чайковского (Онегин, Елецкий, Роберт), Верди (Яго, Родриго в «Дон Карлосе», Ренато в «Бале-маскараде») и др. Сенсацией стал его Чичиков в мировой премьеры оперы Родиона Щедрина «Мертвые души» (1977). В результате болезни, повлиявшей на голос, в 1992 году оставил театр и организовал собственное производство колбасных изделий.